

11
Trends

Сергей Герман
Грёбанный саксаул

«ИП Стрельбицкий»

Герман С.

Грёбанный саксаул / С. Герман — «ИП Стрельбицкий»,

Что такое служба в армии? Это священный долг и почетная обязанность или утомительная повинность и бесцельно потерянные годы? Для того, чтобы ответить на этот вопрос автор делится своим собственным опытом. Повесть "Грёбанный саксаул" посвящена как раз армейским будням и проблемам, которые из советской армии перекочевали в российскую армию. Это рассказ о вчерашних мальчишках- школьниках, хулиганствующих подростках, превратившихся в солдат, об их казарменных буднях, о том, как нормальная мужская дружба легко может уживаться здесь с жестокостью и подлостью. О том, как любая случайность или бездушие легко могли сломать человеческую судьбу. Эта повесть порой философски глубока, а иногда наполнена тонкой иронией и тонким юмором. Читателям предстоит самим ответить на вопрос, что же это всё -таки такое, армия?

Сергей Герман Грёбанный саксаул

«Армия не только школа боевого мастерства, но и школа воспитания»

Л.И. Брежнев.

Таня на проводы не пришла. Не захотела. Зато заявила бывшая одноклассница Маринка со своей кодлой и двоюродной сестрой из города. Сестра уже неделю жила у Маринки и когда я заходил к ней, пялилась на меня откровенно наглыми глазами.

Маринка сидела рядом со мной, под столом держала горячую ладошку у меня на ширинке, щебетала что-то ласковое, и когда я созрел для секса, как обычно включила динамо и сбежала.

Все гости уже были изрядно навеселе и, наверное, забыли о том, по какому поводу собрались. Я сначала был очень удручён этим фактом, но тут ко мне подсел Вовка Некрасов и мы с ним напились до положения риз.

Вовка был из интеллигентной семьи, его отец возил председателя райисполкома, мать работала товароведом. Это был большой минус в биографии и чтобы хоть как-то его восполнить, Некрасов разговаривал матом. При этом он вставлял в свою речь не матерные слова, а наоборот.

Напивались мы с ним стремительно. На душе уже было хорошо и легко, хотелось плакать. Но тут пришла моя мама. Сказала, что водки больше не даст. Некрасов куда-то вышел. Через пятнадцать минут вернулся, держа в руках бутылку мутного стекла.

– Вот! – Потряс он бутылкой, – «Спотыкач»!

Я спросил:

– Горит?

Разлитая на столе прозрачная жидкость полыхнула синим пламенем.

После первой рюмки мы с Некрасом заплакали суровыми мужскими слезами.

Видимо, на нас подействовал «Спотыкач»...

Гремел магнитофон:

*Ты получишь письмо,
Как обычно, без марки солдатское
И прочтёшь торопливо,
А, может, не станешь читать.*

Я чувствовал себя солдатом, отправляющимся на войну. Солдатом, за спиной которого Россия.

Всё опять испортила мама. Она зашла в комнату и встала на пороге. Характер у неё был нордический, помноженный на сибирские морозы. В бабку. Та прошла суровую и многолетнюю закалку советской властью. Не боялась никого и в свои восемьдесят совершенно не говорила по-русски.

В этом отношении я похож на неё. Несмотря на многолетнее проживание в Германии, я не очень-то говорю по-немецки. Но по другой причине.

Бабка не плакала, когда осенью 1941 года её с шестью детьми из тёплого обжитого дома выслали в Сибирь. Деда арестовали ещё раньше.

Мама, молча встав рядом со мной, сказала:

– Боже мой, видела бы бабушка, что её внук тряпка! Мне стыдно за тебя!

Я ответил, что если являюсь недостойным бабушки внуком, то моя нога в этот дом более не ступит, и хлопнул дверью. Но не сильно.

И ушёл.

Но ушёл недалеко, ровно до бани на огороде.

Грохнула дверь за спиной. Я зажёл спичку. Качнулась нелепая, рваная тень. Огонёк добрался до пальцев, и я бросил на пол сгоревшую спичку. Темнота упала под ноги, но за несколько секунд я успел разглядеть лежащую на животе женщину. Это была Маринкина сестра. Её платье чуть задралось на заднице. Между пристёжкой и краем чулка матово светилась кожа.

Я подошел ближе, наклонился, содрогнулся от букета из запахов водки, крема и духов и запустил дрожащие пальцы под платье. Её кожа под трусиками была влажной, чуть шершавой на ощупь.

Девушка заворочалась в пьяном сне, что-то пробормотала.

Её губы были пухлые и мягкие, как вата и у меня возникло ощущение, что грызу потную поролоновую подушку.

В доме продолжал надрываться магнитофон:

*Помнишь, как ты при всех,
Целовала меня на прощание?
Помнишь дым паровозный
И восемь коротких минут?*

Страстной и знойной любви не получилось.

Едва успев всунуть, я тут же зарычал и заелозил носками ботинок по деревянному полу. Тёплая, жаркая волна поглотила меня. Я отвалился в сторону. Расчёт закончил. Пытаясь застегнуть ширинку, почувствовал запоздалое омерзение. Жутко презирая себя, я уснул.

* * *

Утром у военкомата нас собралось человек двадцать.

Андрей Штеплер, рослый неуклюжий малый, с повадками начинающего уркагана держал в руках большую бутылку тёмно-зелёного стекла. Такие называли огнетушителями. Пару раз мы пересекались с ним на дискотеке, когда стенка шла на стенку.

Все были такие же, как и я. Невыспавшиеся. Нервные. Злые. Страдающие головной болью.

Прямо из горлышка, на виду у суровых отцов и плачущих матерей мы пили портвейн. Он был терпкий, тёплый, противно пахнувший. Вино пьянило, снимая страх перед неизвестностью и грядущими переменами. Мы пили, обливаясь и захлебываясь, чуточку обалдевшие от осознания неотвратимости грядущих событий.

На прощанье нам толкнули напутственную речь.

Для солидности военное командование притащило какого-то старикана ветерана, увешанного медалями вперемешку со значками. Ветеран был пьян по самые брови, но держался. Он долго рассказывал нам о чести и доблести, потом его окончательно накрыло волной опьянения, в голове что-то щёлкнуло (я даже услышал щелчок) и, ветеран авторитетно заявил:

– А за своих невест и жён не переживайте! Е...ся не все, а только лишь, кто хочет е...ся!

После этих слов звенящего медалями старикана стащили с трибуны, а нас посадили в маленький зелёный автобус с характерным названием «фантомас» и повезли на пункт сборник, где нам предстояло ожидать «покупателей».

Заляпанный дорожной грязью металлический рыдван уносил нас навстречу другой, героической жизни. Позади оставался опостылевший поселок, учителя, родители, хулиганствующие друзья и прыщавые подружки.

Сопровождал нас прапорщик из военкомата и какой-то штатский общественник лет тридцати, которого звали Витёк.

Не успели мы тронуться, как из вещмешков тут же была извлечена заначка. Прапору и общественнику налили по полному стакану.

Перед нами возвышалась спина шофера. За окном летели клочки чёрной мокрой земли с остатками грязного снега. Унылые тополя с серой корой- кожей и сидящие на кронах вороны.

Водка как всегда кончилась неожиданно. Автобус к этому времени уткнулся мордой в ворота КПШ.

Штеплер о чём то пошептался с Витьком. Потом подсел к нам.

– В общем так, пацаны. Нас больше отсюда не выпустят. Кантоваться будем дня три-четыре. А может быть неделю, пока не приедут покупатели. Я договорился. Сейчас соберём деньги, пошлём гонца, а он занесёт нам водяры. Возьмём пару литров, всё будет веселее.

Прапор безучастно смотрел в окно.

Мы тут же полезли в карманы. Набралось рублей сорок. Общественник исчез. Навсегда. Ни денег, ни обещанной водяры мы так и не увидели.

Штеплер пообещал через два года оторвать ему яйца.

Нас построили. Мордатый прапорщик с засаленной повязкой на рукаве и мордой пьющего ротвейлера приказал:

– Сумки, рюкзаки, чемоданы поставить на землю.

Мы поставили свои котомки на асфальт.

– Раскрыть вещмешки. Содержимое выложить перед собой.

Искали колющие, режущие предметы, и конечно же спиртное.

У нас ничего не нашли. Поздно. Всё уже было выпито. Сначала мы злорадствовали. Потом трезвые и злые долго бродили по мокрому грязному двору. Кое- где вспыхивали короткие и стремительные драки.

Висевший на стене громкоговоритель периодически выплёвывал из себя фамилии, строгим голосом приказывал явиться туда-то и туда-то.

Наконец вызвали нас. Это была медицинская комиссия. Приказали раздеться.

Мы ходили по кабинетам как неандертальцы. Совершенно голые. Какая-то врачиха лет пятидесяти решила посмотреть чьи-то зубы. Пока она изучала кариес во рту защитника Родины, у него встал. Все заржали.

Врачиха перевела взгляд на напрягшегося воина и оторопела. Пролетела.

– Ты писать хочешь, мальчик?

Мальчик покраснел.

Штеплер стоял перед молодой врачихой, а она очень внимательно рассматривала русалку, сидящую на его плече.

– Чего застыла? – недружелюбно спросил Штеплер.

– Да вот... рассматриваю.

– В постели рассмотришь.

Врачиха зарделась.

Потом мы стояли перед каким-то длинным желчного вида подполковником, который сидел за большим «начальственным» столом.

На столе стопка личных дел. Полковник берёт одну сверху, читает. Брезгливо спрашивает- фамилия, образование, специальность?

Зачем это ему было нужно, не знаю. Всё было написано на папках, которые он держал в руках. Это был заместитель областного военкома и он определял нас на государеву службу, согласно наших деловых и моральных качеств.

Военный чиновник спросил меня:

– Служить хочешь?

– Так точно! Хочу!

Заместитель военного комиссара взглянул на меня с подозрением. Обычно граждане в армию не рвались. Если они, конечно, не хотели спрятаться там от правосудия.

Но я не врал. Я действительно хотел служить.

– Ну?... И куда тебя отправить?

– Желательно в тёплые страны.

Тот взглянул на меня с ещё большим подозрением.

– В каком смысле? На Тихоокеанский флот?

На флот я не хотел. Я хотел в Афганистан. Там погиб мой друг Витя Федотов.

– Ну ты и дурак! – сказал чиновник. – Ладно! Будут тебе жаркие страны. – И что черкнул на моей папке.

– Следующий!

Часов в десять вечера нас снова построили. На плацу стояли трое военных – пузатый офицер, прапорщик и сержант.

Это были покупатели. На их плечах были синие погоны и птички в петлицах. Лётчики.

Нашу команду разделили. От тех, кто ехал в автобусе осталось восемь человек, среди них Штеплер.

Добавилось ещё трое. Один из них, чернявый, небритый и нестриженный тип, похожий на битла. Второй, тот самый, писающий мальчик. Его фамилия была Саржевский. Третий, был похож на японца, а может и на корейца. У него было широкое смуглое лицо, крупные ровные зубы, раскосые глаза.

Прапорщик держал в руках стопку дел.

Офицеру под тридцать. На погонах – четыре маленьких звездочки. Он брал в руки передаваемое ему личное дело, называл фамилию.

Призывник громко отвечал.

– Я!

Из одиннадцати человек у восьми были немецкие фамилии. У раскосого – китайская. Или корейская- Ли Ван Хе. Звали его Иван Иванович.

Капитан пристально смотрел на каждого призывника, секунду медлил, задумчиво приподнимая брови. Потом передавал папку щеголеватому сержанту с усиками.

Выезд в часть был назначен на 3 часа ночи. Что за часть, где она находится, никто не знал.

Штеплер пошёл к сержанту. Покурил. Что-то сунул ему в карман.

Вернулся, бросил.

– На юг едем. В понедельник.

Все обернулись к нему.

– Что... В понедельник? Через неделю что ли?

Штеплер пояснил.

– Нас везут в Понедельник. Город такой.

Мы задумались. Никто не мог вспомнить, где находится такой город. В какой стране.

Лохматый битл сказал:

– Это Душанбе, где-то в Средней Азии. Переводится как Понедельник.

– Грёбанный саксаул, – сказал Штеплер. – Мне мать рассказывала, что её отец с басмачами тоже воевал!

Мы сидели в зале ожидания на деревянных скамейках. Рядом с нами сидел пьяный дембель в высокой, как полковничья папаха, офицерской шапке.

Из под расстёгнутой начёсанной шинели выглядывали тельняшка и аксельбант.

– Куда вас... дети? – грустно спросил дембель.

Мы наперебой ответили – Душанбе... Средняя Азия... Где это?

– Это Таджикистан, ребята и место это есть большая жопа на теле СССР. Там вместо хлеба едят лепёшки, а тесто для них катают на потных ляжках женщин... Но! – Сказал пьяный дембель – Зато там тако-о-о-о-о-оой чарс!

Это был железный аргумент. Все притихли.

Ночной Новосибирск последний раз мигнул огнями. За окнами промелькнули замёрзшие лужи, заплёванный перрон, разношерстный вокзальный народ.

* * *

Я родился в унылом посёлке городского типа. Так называли серые деревянные строения, улицы, весной и осенью утопающие в грязи, зимой засыпанные снегом. Это был самый заурядный сибирский посёлок, где жили потомки фронтовиков и эзков, русских мужиков, немцев, финнов, казаков, сосланных, раскулаченных, осужденных. Всех тех, кто привык с детства отчаянно бороться за своё существование.

Часть населения посёлка уже отсидела, другая часть готовилась сесть и потому, в самом большом авторитете у нас были личности, конфликтующие с законом.

Место моего рождения на полном основании можно было назвать посёлком лагерного типа.

Поселок жил по понятиям. Лагерную феню знали все. Безрукий фронтовик Иван Кузьмич, пенсионер союзного значения Данила Назарыч, продавщицы в магазине. Даже поселковые собаки, крутящиеся у пивных точек и винных магазинов, понимали, о чём говорят субъекты с лагерными манерами и приклатненной речью. Поселковая шпана начинала курить с десяти лет, пить вино с двенадцати. С четырнадцати носили ножи и самодельные «мелкашечные» пистолеты. Шпану сажали. Но её ряды не редели. На смену мотающим срок, приходили их младшие братья.

Незначительный процент составляла поселковая интеллигенция – учителя, врачи, местный участковый, секретарши суда. Судьи народного суда жили в городе.

На окраине посёлка располагалась воинская часть. Офицеры и прапорщики с семьями обитали рядом с частью, в серых шлакоблочных домах, похожих на казармы. Однотипные, серые дома выглядели убого. Периодически солдаты белили известкой бордюрные камни, добавляя светлых пятен в однообразную провинциальную жизнь.

Дети офицеров учились в одной школе с нами. Их легко можно было узнать по интеллигентным лицам и донашиваемым заграничным шмоткам.

Военный городок, это была другая жизнь, почти как другая планета. Эти люди видели мир, бывали в других городах. Некоторые даже в других странах. Это порождало зависть.

Я не был выдающейся личностью. Не писал стихов. Не играл на скрипке. Не мучил кошек. Не отрывал лапки лягушкам.

Я рос вполне обычным молодым человеком. Не хорошим и не плохим. В меру выпивал. В меру хулиганил, часто дрался и периодически огорчал родителей. А ещё я обладал авантюрным характером и очень любил читать. Набор таких черт часто приводит к тюрьме. Я же попал в армию. Не скажу, что мне повезло. Иногда тюрьма делает из человека личность, а вот армия – ломает.

* * *

Капитан и прапорщик ехали в купе. Всю дорогу их никто не видел. Было непонятно, ходили ли они в туалет?

Распоряжался всем сержант.

В первый же день он собрал всех в одном купе, сунул каждому из нас руку. И сказал, что можем называть его просто – Серёга.

Ещё он сообщил по секрету, что везут нас в учебку, «ШМАС» или школу младших авиационных специалистов, где будут учить полгода, а потом отправят по боевым частям. Он также сказал, что служба нелегка и именно от него зависит, как она сложится у нас.

Мы всё поняли. Во внутренний карман Серёгиной парадки перековывала стопка засаленных трёшек и пятёрок.

Вагон был набит новобранцами. Нас везли летуны, остальных стройбатовцы. В первый день стройбатовцы перепились. Вечером в наш угол пришла делегация. Верховодил длинный прыщавый тип, с лицом злого волка в исполнении киноактёра Басова. Гости подошли и столпились в коридоре перед нашим проходом. Делегаты были суровы, руки как водится в карманах, на лицах скука.

Прыщавый попросил денег.

Штеплер доходчиво и лаконично объяснил, что денег нет. Он был одет в синюю майку. На его левом плече сидела татуированная русалка. На правом розовел свежий ножевой шрам. Штеплер был очень убедителен. Делегация ушла.

Через полчаса в том углу, где сидел прыщавый раздались крики: «Менты!.. Суки... чекисты!».

Штеплер сказал грустно:

– Грёбанный саксаул. Ну вот и дождались весны. Пошла белка!

Ночью, когда все уже спали, нас пришли бить. Отряд бойцов вёл прыщавый.

Все были пьяные в хлам. Большинство с наколками на руках. Держались профессионально уверенно.

Штеплер встретил прыщавого ударом в переносицу. Я, повиснув на локтях между полками, бил ногами. Проснулись все наши. Китаец Ли Ван Хе засунул голову прыщавого под нижнюю полку и прижал её плитой сиденья. Тот выл. Битл лежал на третьей вещевой полке и подбадривал нашу команду энергичными выкриками.

Прибежали сержанты. Из купе вышел наш капитан. Принёс ополовиненную бутылку болгарского бренди. Обмахивал лицо вафельным полотенцем.

Прыщавый выполз из под плиты. Медленно встал на четвереньки.

Капитан сделал визуальный осмотр. Глотнул из бутылки. Как подобает настоящему офицеру лаконично и авторитетно заявил:

– Жить будет!

Ещё глоток, отрыжка. Капитан констатировал.

– Родина ждёт героев, а п... рожает дураков.

И ушёл в купе.

Битл слез с полки и сделал прыщавому перевязку. Заклеил ссадины лейкопластырем. Он оказался профессиональным медиком. Работал медбратом на скорой помощи. Звали его Давид Функ. Естественно, его тут же стали звать Фунтиком или Фантиком. Я уважительно – Давидом.

Наш паровоз уверенно вёз нас к цели. Я лежал на верхней полке, отвернувшись к стене. Вагон раскачивало как лодку, и я отплывал в ней к неведомым берегам взрослой военной жизни.

Сибирский пейзаж, озёра, реки, лесные массивы с неровной кромкой леса постепенно сменились степными просторами, потом невиданными уже цветущими деревьями. Вдалеке забелели шапки гор.

На третьи сутки на каком-то пыльном полустанке высадили стройбатовцев. Прыщавого вели под руки. Он вырывался и кричал:

– Суки краснопёрые! Подстрелите моего брата, порежу всех! Разыщу и порежу! Отвечаю...

Ишаки, с исполосованными шрамами мордами, грустно смотрели им вслед.

К вечеру поезд стал медленно притормаживать. Заскрежетала вагонная сцепка. Заскрипели тормоза. Состав лязгнул, дернулся, снова лязгнул и вдруг замер.

Из купе вышел опухший капитан в блестящих хромовых сапогах. В них отражались тусклые вагонные лампочки. Из под зелёной рубашки выпирал живот.

Был вечер. Перед нами лежал не город, а какой-то азиатский посёлок. Он казался мертвым. Из темноты глухо лаяли собаки.

Воинская часть находилась в стороне от станции.

Нужно было долго ждать машину из части. Затем трястись на ухабах, сидя в кабине шестьдесят шестого. Засидевшийся в купе и одуревший от выпивки капитан принял решение идти пешком.

Я спросил:

– Границу будем переходить ночью?

Капитан упёрся взглядом мне в переносицу, и, оценив юмор, рокотнул:

– Два наряда вне очереди.

– За что, два наряда, товарищ капитан?

– Три наряда... За то, что прыгаешь через голову сержанта. Это раз. Прежде чем обратиться к старшему по званию, надо спросить разрешение. Это два. Всё понятно?

– Так точно.

– Ну вот. Уже лучше. Сержант, командуй!

Мы пересекли железнодорожную линию с выгоревшей травой между воняющими креозотом шпалами. Миновали огромные жёлтые цистерны, водокачку и деревянное здание вокзальной уборной. Вышли на мягкую от пыли дорогу. Поражало буйство зелени вокруг. В Новосибирске ещё лежал снег, а здесь цвели деревья. Тепло! И запах, словно в оранжерее!

Через час мы оказались перед железными воротами с красной звездой, увидели серый бетонный забор, будку КПП и радостную рожу дневального. На голове у него вместо пилотки была зелёная панама, похожая на ковбойскую шляпу. Увидев нас ковбой радостно осклабился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.